

Цинь Чаншэн сначала кивнула, затем на мгновение задумалась и серьёзно спросила: «На Обрыве есть люди? Но я слышала от Сюй Цзин, что древняя тропа на Обрыве горы Цзи давно обрушилась. Как там могут быть люди? Скалолазы? Или...?»

Цзян Чжунсюэ смотрела на неё с нечитаемым выражением, лицо её было крайне сложным. Спустя некоторое время она покачала головой: «Сегодня я поднималась на Обрыв. Живых людей я не видела, но заметила нечто, похожее на деревню, и дым. Из осторожности я не стала себя обнаруживать. Издалека я не разглядела людей. Гора Цзи огромна, древняя тропа на Обрыве давно в негодности, так что деревня там в принципе существовать не может».

Цинь Чаншэн с любопытством посмотрела на неё, поразмыслила и осторожно, почти пробно предположила: «Может, это легендарная страна отшельников? Те, что в уединении живут на вершине горы Цзи...»

Договорить она не смогла. Даже при всём полёте фантазии трудно поверить, что на вершине горы может просто так возникнуть земной рай.

Впрочем, она помнила, что Цзян Чжунсюэ упоминала легенду о ссылке на гору Цзи императрицы Сиши.

Карликов, калек, уродцев, отобранных по всей стране, правящий император Сяо Янь собрал в особую стражу и отправил в дальний путь, в древние земли Шу. А если они и вправду сумели выжить и дать потомство на горе Цзи?

Может, деревня, которую увидела Цзян Чжунсюэ, и есть след их обитания?

Цзян Чжунсюэ не стала ни подтверждать, ни опровергать. Она немного помолчала, а затем сказала: «Не исключено. Увидим — поверим. Сегодня ночью и двинемся».

Цинь Чаншэн согласно кивнула. Цзян Чжунсюэ снова спросила: «Ты сегодня за пределы двора не выходила?»

Мысли Цинь Чаншэн на мгновение застряли, она опешила, затем покачала головой: «Выходила, через задний двор тётушки Чжан. Она меня не видела. Я просто примерно оценила рельеф местности вокруг деревни».

Подумав, она добавила: «Я поговорила с тётушкой Чжан, а потом и сама посмотрела. Деревня со всех сторон окружена горами, с одной стороны упирается в Обрыв горы Цзи, с другой — в тот загадочный лес, с третьей — в холмистый склон, почти полностью голый, из одних скал. И лишь с одной стороны есть единственная горная тропа, по которой они и ездят на мулах — транспорт здесь отсталый, условия суровые, так что бедность деревни неудивительна».

Цзян Чжунсюэ смотрела на неё с бесстрастным лицом: «Я только что слышала, она зовёт тебя сегодня куда-то?»

Цинь Чаншэн ахнула: «На ужин зовёт. „Сесть за стол“ — значит, поесть вместе. У старосты дома пир, вся деревня идёт, тётушка Чжан говорит, возьмёт меня, для оживления».

Цзян Чжунсюэ хмыкнула: «Откажись от моего имени».

Цинь Чаншэн кивнула: «Скажу тётушке Чжан», — и повернулась, чтобы выйти.

Цзян Чжунсюэ, не сводя с неё взгляда, вдруг холодно произнесла: «Тебя не смущает?»

Цинь Чаншэн замерла и обернулась. Цзян Чжунсюэ смотрела на неё и вдруг усмехнулась: «Ты и впрямь смешная в своей наивности. Мы здесь чужаки, появились из их местного Призрачного леса. Они не задают вопросов, принимают нас с радушием. Тебе не кажется это подозрительным?»

Услышав первые слова, Цинь Чаншэн изменилась в лице, затем на щеках вспыхнул гневный румянец. Она горько рассмеялась: «Ха, ты что, забыла? Даже такую нелюдимую, как ты, можно купить за деньги! Цзян Чжунсюэ, я не знаю, сколько наша семья выложила, чтобы нанять такую важную персону, но твои язвительные шуточки я терпеть больше не намерена! Ты и сама понимаешь: пусть место и отсталое, но деньги здесь всё ещё в ходу. Никто не станет от денег отказываться! Или мне, как тебе, всех подряд подозревать в дурных намерениях? К тому же, это просто бедная, глухая деревня. Да, поначалу были сомнения, но за то время, что я здесь провела, я не почувствовала никакой опасности! Призрачный Глаз — у меня, предчувствовать опасность могу я! Если я тебе так не угодила — проваливай!»

Цзян Чжунсюэ смотрела на неё ледяным взглядом, слегка приподняла подбородок и тихо сказала: «Ваша семья заплатила? Что ж. Такую нежную барышню, как ты, и впрямь следовало бы держать в вашем родовом гнезде, беречь как зеницу ока, не подпуская ни к лучу света, ни к дуновению ветерка. Хочешь знать, сколько ваша семья заплатила?»

Она с презрением окинула взглядом разгневанное лицо Цинь Чаншэн и холодно добавила: «Спроси у своего брата. Сколько, по-твоему, стоит жизнь нескольких старших вашего клана?»

Цинь Чаншэн от этих слов перехватило дыхание. Глаза её налились кровью. Она стояла не двигаясь, изо всех сил стиснув зубы: «Я не знаю, сколько тебе заплатили! Но убирайся вон! Мне не нужен тот, кто только и умеет, что издеваться и унижать! Призрачный Глаз — мой, и дело Юй Инь тебя больше не касается! Если наша семья истратила на тебя миллиарды — сочтём это милостыней! Убирайся! Убирайся вон!»

Её трясло от ярости, глаза покраснели. С самой первой встречи язвительные насмешки и презрение Цзян Чжунсюэ вызывали в ней гнев. Она знала, как высоко её брат Цинь Шифэн ценил Цзян Чжунсюэ, понимала, как её семья её опасалась. Это была не та фигура, которую можно было нанять и уволить по желанию. Всю дорогу она изо всех сил старалась сохранять мир, но Цзян Чжунсюэ раз за разом высмеивала её, раз за разом выбрасывала её искренность, доброту и участие, словно мусор, под ноги.

Цзян Чжунсюэ смотрела на неё, долгое время не двигаясь. Цинь Чаншэн стояла, выпрямившись во весь рост, с алыми глазами, указывая на дверь рукой, лицо её исказила ненависть.

Выражение лица Цзян Чжунсюэ не изменилось. Спустя мгновение она, не отрывая взгляда от Цинь Чаншэн, поднялась и медленно подошла к ней.

Цинь Чаншэн стиснула зубы, приготовившись к удару. Она думала, что Цзян Чжунсюэ, разъярённая, сейчас даст ей пощёчину — в назидание.

Но Цзян Чжунсюэ лишь спокойно смотрела на неё и с деланной искренностью спросила: «Ты плачешь?»

Цинь Чаншэн, готовая к буре, на мгновение опешила. Цзян Чжунсюэ не сводила с неё глаз, её взгляд был прикован к лицу девушки, а в уголках губ играла насмешливая усмешка: «Цени дни, когда можешь лить слёзы. Скоро из тебя будет литься только кровь».

Сказав это, она прошла мимо Цинь Чаншэн и, не оглядываясь, вышла из комнаты, оставив ошеломлённую девушку стоять на месте.

Авторское примечание: Новая книга набирает популярность медленно, да и развитие неспешное, но она мне нравится.

Да, тысяча слов не стоят одного «нравится».

Смеркалось быстро.

Цинь Чаншэн стояла на балке второго этажа, водя телефоном из стороны в сторону. Что и говорить — глухая бедная деревня, связь тут была никудышная, но позвонить всё же можно было. Хотя голос в трубке прерывался, Цинь Чаншэн смогла-таки сообщить брату, Цинь Шифэну, что Цзян Чжунсюэ ушла.

На том конце провода Цинь Шифэн долго молчал — так долго, что Цинь Чаншэн несколько раз отнимала телефон от уха, проверяя, не прервалась ли связь.

Слова его были взвешенными: «Раз уж вы с ней совершенно не сошлись характерами, что ж, пусть будет так».

В его голосе слышалась явная досада. Цинь Чаншэн, слушая, легко представила его выражение лица, и в её сердце тоже зашевелилось смутное, неясное сожаление. За эти два года тренировок её психологическая устойчивость в принципе стала крепче, чем у обычных людей, и уж тем более не шла ни в какое сравнение с её прежним «я».

Но Цзян Чжунсюэ была человеком крайне бестактным, раз за разом игнорировала её попытки сблизиться, с самого начала не оставила ей ни малейшей лазейки, а из её уст звучали только язвительные насмешки, которые Цинь Чаншэн слушать уже просто не могла.

Будь на её месте кто-то другой, Цинь Чаншэн, возможно, и смогла бы, не моргнув глазом, парировать колкостью, но перед Цзян Чжунсюэ от неё оставалась лишь злость и невысказанная обида, без намёка на обычную выдержку.

Цинь Чаншэн подумала, что, возможно, они с Цзян Чжунсюэ и вправду не сошлись характерами с самого рождения. То, что обычно она могла стерпеть, что обычно могла выслушать, из уст Цзян Чжунсюэ становилось для неё невыносимым.

Но затем Цинь Шифэн добавил: «Раз Цзян Чжунсюэ ушла, тебе тоже лучше поскорее покинуть эту деревню».

<http://bllate.org/book/16269/1464175>